

ПРОЛОГ

СССР, 1959 год

Он вышел из дома и направился к трамвайной остановке. Собранный, точно знающий, что сейчас должен сделать. Главное — идти по намеченной прямой, ни шага в сторону. Весна счастливо захлестывала город пронзительной свежестью, всей полнотой жизни. Кругом хлопали на ветру кумачовые транспаранты с яркими лозунгами. Все, как один, звали к новым подвигам, великим достижениям и миру во всем мире. А как иначе — через несколько дней Первомай, шумные демонстрации, счастливая толчея, еще дружные семейные застолья. Все то, чего у торопливо шагавшего юноши в широких брюках, просторной рубашке и мешковатом пиджаке и в помине не было. В одном из дворов ладно заливалась «Катюшей» гармонь, соревнуясь с отчаянным перелаем собак, в парке напротив, через трамвайные пути, слаженно играл духовой оркестр. Стайка девочек в красных галстуках, смеясь, пролетела мимо, но, увидев офицера в мундире и при медалях, поравнялась и по-пионерски отсалютовала;

он в ответ козырнул им, и радостные пионерки стремительно понеслись дальше.

И ему бы сейчас откликнуться всем сердцем на порывы этой весны юношеской душой, но было не до того. С зубовным скрежетом вдоль парка повернул доходяга-трамвай и, замедляя ход, пошел к остановке. На колбасе умело балансировали два мальчишки-оборвыша и демонстративно махали руками. Юноша прибавил шаг. Длинный для своих шестнадцати лет, худой, сутулый, с высокой копной пшеничных волос, он забрался в трамвай, оплатил билет и сел на свободное место.

На следующей остановке в трамвай ввалились два прибалтанных паренька. Один лет восемнадцати, цыганистый, черноглазый, в заломленной назад кепке, другой — помоложе, рыжий и курносый, похожий на задиристого дурака. Пассажиры отворачивались — никто не хотел пересекаться с ними взглядами.

— Билеты покупать будем? — спросила кондуктор.

— Сейчас, маманя, только местечко нагреем, — миролюбиво сказал чернявый.

— Вот сейчас и платите, или милицию позову, — пригрозила та.

— Ладно, ладно, чё сразу легавых-то звать. На охоте, что ли? — Он хлопнул себя по бокам. — Дай по карманам пошмонать, а то у нас вся капуста червонцами, — показно хохотнул парень, — мелочь еще поискать надо.

Он огляделся и, хитро прищулив один глаз, направился в сторону длинного тощего юноши интеллигентного вида. Чернявый и рыжий плюхнулись на сиденья перед ним и, перемигнувшись, как по команде обернулись. Таких спутников только врагу пожелаешь.

Парень в кепке осклабился, остро сверкнул золотой фиксой.

— Куда едешь, пацан?

Юноша отвернулся к окну.

— Куда надо.

— Ты чё такой дерзкий? Со старшими надо уважительнее. — Он понизил голос: — Это мой трамвай, пацан, я тут хозяин. Кондуктор билеты раздает, я монеты собираю. С тебя полтинник, пацан.

Юноша упрямо смотрел в окно.

— Слышь, длинный, ты смотри, когда с тобой говорят. Ставки повышаются. И мне полтинник, и Юрку, — кивнул он на рыжего. — Ему тоже в кино и мороженого охота. Да, Юрок?

— Ага, — откликнулся тот, показав щербатый рот.

— Вы чего деньги вымогаете у парня? — возмутилась представительная дама с уложенной клумбой волос на голове, сидевшая за спиной тихого юноши. — Хулиганье!

— А вам чё надо, тетя? — возмутился в ответ парень с фиксой. — Чё вы людям говорить запрещаете, старым корешам? Мы, может, в одном классе учились? Я, может, его сто лет не видел? Я вообще сын полка и свои права имею.

— Какие вы старые кореша? И какой ты сын полка? Жиган ты. И ни в какой школе твоей ноги отродясь не было. Я что, не вижу, как вы у него деньги выманиваете? Сейчас кондуктору скажу, а у нее свисток. Быстро милиция-то подоспеет!

— Слышь, пацан, скажи, что мы старые кореша, — потребовал цыганистый в кепке. — Пусть тетенька увянет. У меня уши музыкальные — за здоровье беспокоюсь.

Но юноша смотрел в окно. Нельзя ничему помешать сделать так, как нужно. Ни гром и молния, ни война, ни конец света не должны остановить его. Он обернулся к женщине за спиной и миролюбиво сказал:

— Все хорошо, спасибо.

А потом остановил взгляд на острых карих глазах цыганистого с фиксой. Юноша смотрел упрямо и не опускал глаза.

— Ты чё уставился, сучёныш? — наконец тихонько, но явно с угрозой в голосе спросил чернявый. — Ты чё мне тут рисуешь? Гипнотизер, что ли? Мы ведь можем и с тобой вместе выйти, — понизил голос наглый парень в кепке. — Куда ты, туда и мы. Так хочешь? — Он зашипел, кивая на товарища: — У Юрка кулаки как кирпичи, начнет колотить — не остановишь. Испытать хочешь? А, Юрок, отметелим тощего?

— Ага, — кивнул тот.

Худой юноша перевел взгляд на рыжего и заглянул в его туповатые глаза.

— Чё он пялится, а, Сыч? — спросил у товарища рыжий. — Большой, может?

Худой юноша улыбнулся чернявому с фиксой:

— Вам нужен полтинник?

— Ну? — спросил тот. — Только дошло?

Юноша забрался в карман пиджака, порылся там и что-то протянул вымогателю:

— Фокус-покус. Держите.

— Зря ты это, мальчик, — неодобрительно сказала тетенька с клумбой на голове.

— Во, другой разговор, — ожил чернявый. — Сразу бы так. А моему братишке? — Он кивнул на туповатого спутника. — Юрку тоже полтинник нужен, а то он плакать будет. Будешь, Юрок?

— Буду, — мрачно ответил тот.

— Вот и ему полтинник, — сказал долговязый юноша и тут же поспешно встал.

Трамвай как раз тормозил перед очередной остановкой. Юноша вышел и заторопился в сторону Старой площади, где дожидались пассажиров два обшарпанных довоенных автобуса.

Чернявый и рыжий заторможенно смотрели на то, что лежало у них на ладонях.

— Полтинник, кажись? — спросил чернявый. — Или рубль дал — промахнулся? Я чё-то не секу...

— А у меня чо? Гривенник? — хмурился рыжий. — Обманул, падла? На кино не хватит.

— Чего, дурни, смотрите? — усмехнулась женщина с клумбой на голове, выходявшая на следующей остановке через переднюю дверь. — У вас в руках по гайке. У одного большая, а у другого маленькая. — Ближайшие пассажиры уже тянули шеи в их стороны — всем хотелось посмотреть на «фокус-покус». — Вот таких гаек вам в башке и не хватает. А паренек-то хитер — обвел вас вокруг пальца, паразитов, — рассмеялась дама. — Ему бы в цирке с такими талантами выступать!

Фырчал и кашлял старый автобус, кряхтел и захлебывался во время переключения скоростей, но катил быстро. На нем юноша покинул город, переехал по мосту через речку Лиховую, промчался по старинному селу Зырино и вышел на дальней его окраине. Слева поднималась построенная еще до революции кирпичная водонапорная башня, а справа, за плотным высоким забором и буйно зацветающим садом, крепко стоял, построенный на века, большой патриархальный дом.

Юноша бывал тут нечасто. В этом доме поколениями росли его предки, но так случилось, что отца, художника, тут не жаловали. Однажды тот сказал, что не хочет иметь ничего общего со своей безумной родней.

И причина на то была. Семью Беспаловых избегало и побаивалось еще с давних времен все село, и даже теперь, в советские времена повсеместного атеизма, потому что числились они потомственными колдунами. Юноша отворил калитку и двинулся по широкой тропинке к дому. Весь фасад был покрыт хитрой резьбой, где можно было разглядеть и смешные фигурки людей, и животных, и всякие символы. Юноша знал: каждый из них значит очень много, весь этот рисунок — целое письмо, но никто и никогда не говорил ему, кому оно предназначено и что скрывает. Помнил только, как ему про эти каракули сказал дядя, уже покойный: «Этим языком наши боги с нами говорят, малыш. Вырастешь, может, и узнаешь, что к чему, если дед Берендей позволит. Он отца твоего проклял, братца моего младшего, и тебе, семени его, не шибко доверяет». Помер дед Берендей, но так и не посвятили юношу в тайное письмо предков.

На крыльце сидела его бабка Чернуха, в миру Евдокия, чтобы вопросов не было, в старом плетеном кресле. Одета она была в черное, с платком на голове. Кто из сельчан увидит — пробежит мимо. А поймает ее взгляд — сразу в церковь. Сидела она, как сфинкс, положив руки на широкие лопухи-подлокотники, по-хозяйски откинувшись на спинку. Тут же, на узкой тесной скамейке дремал родной дядя юноши — младший брат отца Ёж, в миру — Никодим. В поддевке, широких штанах и старых хромовых сапогах.

— Редкий гость, — процедила бабка Евдокия. — А как вытянулся.

Но сказала это с радостью — как-никак, родная кровь. По-своему она очень любила внука.

— Ой ты, племянник пожаловал! — приподнявшись на локте, усмехнулся Никодим. — Как там братец мой поживает? Малевальщик? Пьет горькую?

— Иногда пьет, — стоя перед лестницей, потупил взор юноша.

— А мать все блудит?

— Не знаю, — обиженно нахмурился гость.

— Не терзай ты его, дурень, — осекла бабка Чернуха сына-словоблуда. — И так у него не дом, а худое сито. Ну, отрок, зачем пожаловал? Вижу: нужда приключилась, и по нашей части. Верно?

— Верно, бабушка, — ответил юноша. — Большая нужда.

— И срочная?

— Очень срочная.

— И сердечная?

— Да, бабушка, — вспыхнул он.

— Говори, милый, помогу, чем смогу.

— Может, в дом пойдём? — покосившись на пересмешника-дядю, предложил юноша.

— Пойдем, милый, пойдем. Поднимайся. А ты дом стереги, Никодим, — в шутку наказала она сыну. — Чтобы мышь не пробежала.

— Из дома или в дом? — пошутил тот.

— Балабол, — откликнулась старуха, взяла внука за плечо, нагнула, поцеловала в темя и подтолкнула к открытым дверям.

В избе она усадила его в красный угол, самый нарядный и ухоженный, правда, не было тут никаких образов, как в других, и быть не могло. Но висел высеченный из дерева лет двести назад почерневший старик, длинно-

волосый, в одежде до пят, с посохом. Он подозрительно смотрел на всякого, кто сюда входил, садился за стол, а может, и слушал, о чем говорят.

Юноша стал рассказывать — со всей положенной его возрасту страстью и всей болью, которую переживал сейчас.

— Задачки ты задаешь, внучок, — покачала головой бабка Чернуха. — Чтобы помочь, я должна открыть тебе несколько тайных дверей, одну секретнее другой. Твой дед Берендей, муж мой, будь он жив, никогда не позволил бы мне этого сделать, — он проклял своего сына, твоего отца, и не верил тебе. Но я верю, милый, потому что знаю: тебе передан наш дар. Ни трем моим сыновьям, а именно тебе. И вот мой выбор. Помогу тебе — прогневолю мужа. Каким словом он встретит меня там, куда все уходят? А не помогу — прогневолю господина-Чернобога, — она указала кривым пальцем на деревянного идола. — И Мару с Мороком тоже прогневолю. — Старуха прихватила его руку костистой клешней. — Только и ты, внучок, должен решить для себя, как тебе быть дальше.

— Что я должен решить, бабушка?

— Дать слово, что будешь служить семье и нашим богам.

— Даю слово, — кивнул он.

— Какой ты шустрый, — усмехнулась старуха. — Но это хорошо, что сразу согласен. Стало быть, сердцем говоришь, только так и надо. Я буду читать заклинания, а ты повторять их за мной — слово в слово. Долго буду читать — помни.

— Хорошо, — кивнул юноша.

— И еще помни: ее душа останется между небом и землей, будет ждать, сколько надо. Там времени нет.

ЛИЛИТ. Злое сердце куклы

Но пока она здесь, сама должна решить, что согласна на это. Сама. Ты ее неволить не вправе. Да и захочешь — не сможешь. Тут каждый за себя решает. И если она решится, то пусть скажет на самом пороге, когда ты все отчитаешь, такие слова: «Согласна! Забери меня из рук смерти, уведи в сад покоя, где я буду ждать, когда ты вернешь меня». Понял?

— Понял, — с бешено колотящимся сердцем ответил юноша.

— Хорошо. Сил тебе придется отдать много. Может, потеряешь что-то из своего. К этому тоже будь готов. И последнее — тебе понадобится сосуд, куда ты вольешь ее душу и принесешь в мир живых. Всего-то навсего, проще некуда, а, внучок? — сжав его руку прокопченной клешней, сухо рассмеялась бабка Чернуха.

— А какой это сосуд? Где его взять?

— Узнаешь.

— И все может получиться?

— Моя бабка Волчица говорила так: «Пусть нас пугают: Бог дал — Бог взял, а мы у Него назад заберем». Ты и заберешь, Саввушка, коли сила дана, а я помогу, направлю, лучинку во тьме для тебя подержу. А теперь запоминай заветные слова, что она должна услышать в те самые мгновения, когда с краешка жизни сорвется в тьму кромешную...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Дворец для принцессы

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Лучшая подруга

1

В открытые окна усадьбы, через благоухающий цветами парк влетели отдаленные звуки автомобильного клаксона. Три раза с дороги, затем повторилось, и еще три раза у самых ворот. Радостнее позывных Женечка еще не слышала.

— Это он! — вцепившись в подоконник, воскликнула она. — Он привез ее! Илона! Аннушка!

— Конечно, привез, — откликнулась домоправительница, занимавшаяся цветами. Она переглянулась с молодой горничной в белоснежном фартуке и чепце, с влажной тряпкой в руках. Та показно сморщила нос, на что домоправительница осуждающе нахмурила брови, что означало: «Прекращай-ка мне, слышишь?» И тотчас ласково обратилась к девочке:

— Павел Константинович всегда выполняет свои обещания.

Рыжеволосая зеленоглазая девочка-подросток в белом платье жадно всматривалась в аллеи, проходившие

ЛИЛИТ. Злое сердце куклы

через роскошный зверинец, созданный из кустарников и небольших деревьев. Тут были слон и слониха с тремя слонятами, два носорога, бегемот, львы, жирафы и кенгуру, пони и даже большой одинокий орангутанг. Все эти звери росли вместе с ней, на ее глазах обретали художественный образ, выразительность и характер, и у каждого было имя, которое Женечка дала сама. Зеленые и такие родные, крепко сплетенные из густых ветвей и плотных листьев.

И вот на аллее появился ее отец с букетом белых роз. Он махал ей свободной рукой, за ним шагал гигант шофер и нес в руках коробку в половину человеческого роста, увитую золотыми, алыми и голубыми лентами. Отец красноречиво послал дочери воздушный поцелуй, Женечка потянулась к нему и тоже замахала руками.

— Люблю тебя! — крикнул отец.

— И я тебя! — ответила она. — Скорее же! Скорее!

Коробка в руках шофера притягивала взгляд, как магнитом. Сокровище, обещанное сокровище! Долгожданное, ее, только ее!

Отец и шофер скрылись, парк наполнился июньской полдневной тишиной. Зато вскоре послышались шаги в коридоре второго этажа. Женечка привычным движением нажала на кнопку пульта, кресло-каталка с легким жужжанием развернулось от окна к двери.

— Нам уйти? — спросила домоправительница Илона.

— Нет, останьтесь, хочу, чтобы вы тоже увидели.

— С удовольствием, — перехватив взгляд горничной, сказала та. — Столько в доме было разговоров...

Через мгновение двери открылись, и отец переступил порог с той же подарочной коробкой в ярких лентах.

— Вуаля, принцесса! — весело сказал он. — Я принес тебе обещанную сестренку.

Ее кресло отъехало от окна в сторону отца с долгожданным подарком.

— Открывай, папа, — проговорила дочка.

— А маму ждать не будем?

— Нет! — Ответ прозвучал категорично.

И слово «мама», несомненно, резануло девочке слух.

— Как скажешь, милая. Но Зоя может на нас обидеться.

— Пусть.

— Ладно.

Отец положил коробку на большой низкий столик и демонстративно потянул розовую ленту — бант развязался. Затем синюю — разошелся второй бант. Только потом он быстро и ловко избавился от золотого банта. Женечка неистово захлопала в ладоши, словно перед ней только что был исполнен цирковой номер высочайшего класса. Но она-то знала: это почище любого номера — сейчас ее ждало чудо. Отец потянул крышку — та осталась в его руках. Женечка подъехала ближе, осторожно подошли домоправительница и горничная. В подарочной коробке лежала огромная рыжеволосая кукла в багряном средневековом платье, расшитом золотом, с золотой короной-обручем на голове. Ее лицо было максимально очеловечено и казалось живым. Яркие зеленые глаза весело и цепко смотрели на хозяев и слуг.

— Бог мой, — непроизвольно воскликнула Илона и переглянулась с Аннушкой. — Как живая!

— А то, — усмехнулся отец Женечки. — Фирма венников не вяжет. Произведение искусства. Постарался искусник Савва Андронович Беспалов.

— А кто он? — спросила Илона.

ЛИЛИТ. Злое сердце куклы

— Ты когда последний раз была в нашем театре кукол?

— Никогда.

— Вот тебе и ответ. Беспалов — гений; художник, скульптор, кукольник с большой буквы, его во всем мире знают.

— А-а.

Кукла светилась червонным сиянием платья и волос, но в глазах было сосредоточено еще больше света.

— Дай ее мне, — попросила Женечка и протянула руки.

— Бери, — сказал отец, аккуратно вытащил куклу из ее уютного картонного домика и передал дочери. — Знакомьтесь, девочки, — скосив глаза на домоправительницу и горничную, предложил он. — Важный момент.

— А как ее зовут, папочка?

Отец и дочь задумались. Вот какая странность: лицо куклы словно скопировали с живого человека — очень красивой молодой женщины. Или это была фантазия талантливому мастеру? Такая красота должна была изначально носить имя, но скульптор то ли забыл, то ли не захотел давать его. Или он следовал неписаным правилам? Кажется, последнее и было истинно.

— Ты сама должна дать ей имя, — ответил отец. — Я так думаю.

— Хорошо. Как тебя зовут, сестренка? — глядя в зеленые глаза куклы, спросила Женечка. — Ответь мне, пожалуйста.

Прошла минута, другая, третья... Хозяин дома и две женщины успели несколько раз перегляднуться.

— Ну, что она тебе говорит? — пошутил отец.

Девочка заворуженно смотрела в глаза куклы. Но и она смотрела на нее, в этом не было сомнения. Зеле-

ные глаза — и другие тоже зеленые. Девочка испытывала куклу, та — свою новую юную хозяйку. Не знали заботливый отец девочки и прислуга, что слуха девочки только что коснулись звуки. Их не существовало ни в этой комнате, ни за ее пределами. Но Женечка сейчас слышала то, чего не мог уловить никто, кроме нее. Так кошка слышит ночью все звуки в спальном доме, которые не касаются и не могут коснуться слуха хозяев. Это был чей-то голос, настойчивый и ласковый одновременно. Обволакивающий призывный шепот. А за ним следовало настойчивое эхо...

— Я назову ее Лилит, — вдруг сказала она.

Отец нахмурился:

— Как ты назовешь ее?

— Лилит.

— Странное имя. Может, лучше Катюша или Алиса? Или Пелагея, например.

— Нет, Лилит, — строго подтвердила Женечка. — Ты сам попросил дать ей имя, папочка.

Кажется, дочь готова была обидеться на то, что ей не доверяют. Отец переглянулся с Илоной, пожал плечами:

— Ну, как скажешь, милая.

В комнату вошла мачеха Женечки — длинноногая, в банном халате, затянутом широким поясом на осиной талии, с мокрыми светлыми волосами и гребнем в руках.

— Что я пропустила, ну-ка, признавайтесь? — нарочито весело спросила хозяйка. — Боже, какое чудо! — увидев в руках падчерицы подарок, она шагнула к Женечке, но та непроизвольно отдернула куклу и еще крепче вцепилась в нее. — Что с тобой, золотко, я хочу посмотреть...

Домоправительница поспешно сказала:

— Пойду займусь праздничным столом, — и ушла.

За ней торопливо и молчком устремилась горничная. Между падчерицей и мачехой всегда возникало слишком много электрических разрядов.

— Дочка, ты что? — с легким укором спросил отец.

Женечка, словно опомнившись, не сразу, но протянула мачехе куклу.

— Только осторожнее, Зоя.

— Ну разумеется. А что с ней случится? Она обидится на меня?

Девочка нахмурилась:

— Нет, она обидится на меня.

Отец покачал головой:

— Главное, что кукла ей понравилась. Даже очень. Так ведь, милая?

— Очень, — уверенно кивнула дочь. — Спасибо, папочка. А теперь ты, Лилит, скажи, скажи...

— Лилит? — перебив ее, поморщилась мачеха. — В смысле, Лиля?

— Лилит, Лилит, — многозначительно посмотрев на жену, уточнил Павел Константинович.

— Правда? — она подняла брови.

— Да, — еще более многозначительно кивнул тот и озадаченно покачал головой.

— Ладно.

— Ну, говори, — поторопила Женечка. — Говори же... «Спасибо, папочка», — как ни в чем не бывало произнесла дочка за свою куклу нежнейшим голоском, которого никто от нее раньше не слышал, и тотчас заявила отцу: — Она тоже будет называть тебя папочкой, ведь она моя родная сестренка. Ты же не против?

— Нет, конечно. — Оскомин переглянулся с супругой, словно ища у нее поддержки.

— Так, значит, у меня появилась вторая дочка? — нарочито весело поинтересовалась Зоя Владимировна.

Но девочка не ответила, и взгляд ее, встретивший взгляд мачехи, показался той чересчур колючим и чужим.

— Кстати, тебе необязательно говорить за нее, милая. Твоя Лилит умеет говорить сама.

— Как это? — насторожилась девочка.

— А вот так, — ответил отец, достал из кармана пульт и нажал на кнопку.

В кукле родилось что-то похожее на вздох, а потом она изрекла певучим голосом:

«Здравствуй, Женечка! Здравствуй, сестренка!»

Приветствие еще не закончилось, как Женечка отпустила куклу и что есть силы зажала уши руками. В ее глазах отразились непонимание, испуг, даже гнев.

— Что с тобой? — спросил отец, когда дочь опустила руки.

— Убери это, папа.

— Что «это»?

Она кивнула на его руку:

— Это.

— Пульт?

— Да.

— Хорошо, — сказал он и спрятал пульт в карман. — Но что тебя напугало, милая?

— Это не ее голос, — уверенно ответила дочь. — Он чужой.

— А ты знаешь, какой у твоей Лилит голос?

— Да.

Мачеха хотела что-то сказать, пошутить, снять неловкость, но Женечка только схватила в охапку рыжеволосую зеленоглазую куклу и, хмурясь, еще теснее прижала ее к себе. Но сердитой она оставалась недолго — вскоре

подняла на родителей глаза и улыбнулась так, как умела делать только она.

— Простите меня, пожалуйста, ладно?

— За что? — спросил отец.

— Хочу побыть одна. До обеда. Можно?

— Конечно, милая.

— Тогда чмоки-чмоки, папочка и Зоя, — очень миролюбиво добавила она. — И спасибо за подарок — о лучшем я и не мечтала. Правда-правда!

Когда родители вышли из комнаты, закрыли за собой дверь и двинулись по коридору, Зоя не выдержала:

— Что сейчас было, Паша? Все это?

— Понятия не имею, — пожал тот плечами. — Каприз, наверное.

— Каприз? Это, по-твоему, был каприз ребенка?

— Она сдерживала себя годами — и вот случилось то, о чем мы с тобой не имеем ни малейшего представления. Надо опять позвонить тому детскому психиатру. Сама говорила: он — кудесник.

2

Пять лет назад они попали в автомобильную аварию, всей семьей. Павел Константинович Оскомин отделался переломом руки, ступни и трех ребер. У его красавицы-жены Зои случился выкидыш, и она потеряла возможность когда-либо иметь детей. А Женечка, веселая, подвижная, рыжеволосая бестия, осталась прикованной к креслу-каталке. Она могла пошевелить пальчиками ног, даже чуть привстать, но даже минимальные движения приносили ей нестерпимую муку. Физиотерапевт все еще исправно навещал ее, но Женечка боялась его как огня и смотрела на заботливого доктора, как на своего личного мучителя и палача. Пяти лет ей хватило, чтобы

привыкнуть к своему незавидному положению и начать жить внутренней жизнью. Про школу пришлось забыть. Павел Константинович был весьма состоятелен и мог обеспечить дочери лучшее частное образование.

Выбор подарка на день рождения любимой дочери всякий раз становился великим событием. У Женечки было все, что она могла пожелать, кроме здоровья. Этого отец вернуть ей не мог. Но мог сделать ее жизнь хоть чуточку более счастливой. В позапрошлом году он подарил ей мини-автомобиль с ручным управлением, чтобы она могла ездить по аллеям их парка, навещая любимых зверей, в прошлом — видеоконнату с объемным разрешением и суперзвук. В этом году хотел заказать ей небольшое колесо обозрения, под второй этаж, с тремя лавочками, и поставить его за особняком на заднем дворе.

Он носился с этой мыслью, пока не оказался у витрины местного знаменитого театра кукол «Лукоморье». Дети обожали его, билеты на спектакли раскупались загодя. Театр много времени проводил на гастролях по России и за рубежом, регулярно привозя домой, к радости областной администрации, ценные медали и почетные грамоты, о чем то и дело талдычила местная пресса.

Месяц назад Павел Константинович припарковался напротив театра кукол — огромной стеклянной стены три метра высотой, разделенной такими же стеклянными дверями. Повсюду висели яркие афиши с фотографиями сцен из самых популярных спектаклей. Пару раз он водил сюда Женечку, когда ей было лет пять. Он хорошо помнил, как она смеялась вместе с другими детьми и хлопала в ладоши, каким восторгом и радостью горели ее глаза. Но после травмы она отказалась от выходов в свет. Позже много раз он проходил или

проезжал мимо театра, мельком поглядывая на витрину «кукольного дома», но кроме горечи не испытывал ничего. А тут вдруг остановился. Прекрасная Мальвина и ее печальный воздыхатель Пьеро, в компании с королевским пуделем, приглашали всех горожан посетить выставку кукол театра «Лукоморье», которая проходила в фойе. Называлась она «Волшебный мир Саввы Андроновича Беспалова. Персональная выставка художника к 70-летию со дня рождения». С фотографии под текстом на прохожих доброжелательно смотрел благообразный худой старик с живыми колючими глазами и пышной седой шевелюрой.

Мальвина и Пьеро были так хороши, что Павел Константинович улыбнулся, открыл стеклянную дверь, зашел в театр и купил в кассе совсем недорогой билет для взрослых. Деток, разумеется, пускали бесплатно. А поднявшись на второй этаж и войдя в фойе, по которому бродили любопытные родители и дети, не пожалел, что пришел сюда.

По всему периметру и в центре зала за стеклянными витринами стояли, сидели, летели или вступали в смертельные схватки персонажи русских и зарубежных сказок. Улыбался хитрый весельчак Буратино в неизменном колпаке, крепко державший в деревянных ручонках огромный золотой ключик; ехал на печи беспечный Иван-дурак, а в его ведерке плескалась исполнительница желаний — чудесная щука; лукаво и самодовольно подкручивал усы Кот в сапогах, над которым грозно навис великан-людоед; дрались в небе Руслан и Черномор — витязь ловко прихватил похитителя Людмилы за бороду и тащил лиходея вниз, к земле, чтобы поквитаться с ним. Персонажей сказок тут было не менее полусотни. Всех объединяло удиви-

тельное мастерство художника, создавшего их. Одна кукла особенно удивила Павла Константиновича — это была Аленушка, та самая, чей непослушный братец Иванушка испил из лужицы и превратился в козленка. Девушка в красивом сарафане, с широкой золотой косой через плечо стояла за стеклом, левую руку положив на грудь в районе сердца, а правую вытянув к зрителю, будто говоря с опаской свою знаменитую фразу: «Не пей, Иванушка, козленочком станешь!..» Зеленые глаза Аленушки казались абсолютно живыми, мимике сказочной героини могла позавидовать любая драматическая актриса.

— Хороша наша Аленушка, правда? — спросили рядом.

Павел Константинович обернулся. Вопрос задала пожилая женщина, сотрудница театра, следившая за порядком.

— Очень хороша, — согласился Павел Константинович. — Да все они хороши. Но ведь это не театральная кукла как таковая?

— Нет, конечно, это образец. «Идеал», как говорит наш Савва Андронович. А с него он уже потом создает куклу для сцены. Где они только ни побывали, его куклы: и в Англии, и во Франции, и в Италии. В Америках, даже в Японии. Вот где они всех удивили. Знают японцы толк в куклах, так сказал наш директор. Он сам возил выставку в Японию.

Оскомин про себя усмехнулся: ну, понятно, куда же выставка без директора? Тем более в Японии.

— И пять спектаклей с выставкой возили. Полный аншлаг был, как наш режиссер сказал. А теперь куклы к нашим деткам вернулись. Теперь пусть свои порадуются.

ЛИЛИТ. Злое сердце куклы

— А он сейчас здесь, ваш кудесник? — спросил Оскомин.

— Кто, Савва Андронович?

— Да, художник, кукольник?

— Не-ет, — скептически протянула смотрительница. — Он тут редко бывает. У него дом за городом, старенький, но просторный. Там, как наши говорят, у него большая мастерская, а тут — угол, не развернешься. Куклы-то вон какие! Гиганты.

— А как бы мне его найти, вашего Беспалова?

Она вздохнула:

— Адрес только директор может сказать. Он сейчас здесь. Должен быть на месте. Кабинет на первом этаже.

— Благодарю, — учтиво поклонился Оскомин.

— Куклу решили заказать? — в спину ему спросила смотрительница.

— Как вы догадались? — обернулся Павел Константинович.

— А на что ж вам еще кукольник мог понадобиться?

Она была права.

— Дочке на день рождения.

— Делает он под заказ, делает, только дорого берет, говорят.

— Разберемся! — через плечо бросил Оскомин.

Через десять минут он уже выходил из театра марионеток. Когда изложил свою просьбу, очень занятой директор по фамилии Цоколь пробурчал: «Каждая его кукла состояние стоит». — «И этот туда же», — подумал Павел Константинович. А вслух уверенно сказал: «Деньги значения не имеют». Директор смерил его оценивающим взглядом: посетитель выглядел очень респектабельно. «Ладно, — пожал плечами местный Карабас Барабас. — Если у нашего гения есть время, если он согласит-

ся...» — «И срочно», — добавил Оскомин. Директор Цоколь взял телефон, набрал номер. «Савва Андронович, тут к вам один человек хочет заехать, кукла ему нужна от великого мастера. Да. И срочно. Представьте себе! Что в копеечку встанет? Сказал, сказал. Вы когда приедете? — спросил директор у Оскомина». — «Сейчас, если можно», — уточнил тот. «А что за кукла нужна и для кого?» — «Для девочки-подростка, моей дочери, что-то наподобие его Аленушки...» — «Аленушку хочет, — пояснил директор. — Да, напишу. Пока, Савва Андронович. — Он нажал на кнопку. — Мастер дал согласие и ждет вас». С адресом в кармане Оскомин забирался в салон своего «БМВ», чтобы отправиться на окраину, вернее, еще дальше, туда, где город с юго-восточной стороны обтекала речка Лиховая.

На выезде как назло оказались пробки. Он еле прорвался. В обед Оскомин перехал через бетонный мосток, переброшенный над Лиховой. Внизу на жаре, со стороны города, между прибрежных кустов неровным рядом стояли полуголые рыбаки и ловили на поплавок сорожку и чебака. В камышах затаились резиновые лодки. Там удили рыбку покрупнее и похитрее — золотого карася. У одного над водой забилась серебристая рыбка, да так яростно, что сорвалась. Павел Константинович улыбнулся: вспомнил, как и он с мальчишками со двора приезжал сюда на велосипеде и удил до самой темноты речную мелочь. Разводили костер, коптили на крепких палочках рыбу, иногда варили уху. Они уезжали, когда река стремительно темнела и со стороны мрачного села Зырино ярко загорались огни. О селе исстари ползла дурная слава: мол, было оно прибежищем воров и супостатов всех мастей, которые бежали от судов и полиции, селились тут, плодились и совершали бандит-

ские набеги на город. Еще до революции. И после войны тоже — много тогда хулиганья и шпаны развелось. Но теперь все это быльем поросло.

Село за окраиной города, дом кукольника на дальней окраине. Прямоком по центральной дороге, поднимая пыль и разгоняя коз, в сторону леса. Слева, сказали, будет водонапорная башня, справа — искомый «дом нашего Лешего». Мастаки эти местные жители лепить клички всем, кто непохож на них, хлебом не корми. А где еще селиться такому странному человеку, старому одиночке, который живет в мире сказочных персонажей и своих фантазий, если в городе никто дворца не предлагает? Вот именно — на отшибе, в гордой изоляции.

Дом его был стародавний, деревянный, давший легкий крен на один бок, и просто огромный. Видать, строили на большую семью. Одноэтажный, но с высокой крышей, которая, несомненно, скрывала обжитой чердак. Его условную древность выдавали старинные растрескавшиеся наличники, сплетенные из замысловатых фольклорных орнаментов, и прочая фигурная резьба, которая покрывала фасад дома. Каждый из орнаментов, любая загогулина явно таили в себе глубокий смысл.

«Курых ножек только и не хватает, — подумал городской, избалованный презентабельной архитектурой гость. — Может, осела просто избушка, да ножки и придавила?»

Павел Константинович снял петлю с колышка деревянной калитки, толкнул ее, вошел и вернул на место. Только потом двинулся через заросший, душный от ароматов трав и жары садик по тропинке к дому. Вот и крыльцо. Каждая ступенька звучала по-своему — хрипло, сипло, бранно, с пронзительным визгом, как клавиши безнадежно расстроенного и всеми забытого пианино.